

В. И. Акулович

**Н. И. ПРИВАЛОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
РУССКИХ НАРОДНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ**

В 1988 г. исполняется сто лет со дня создания оркестра русских народных инструментов. Группа энтузиастов во главе с В. Андреевым заложили основы нового жанра — музыки для народных инструментов. Значительны были достижения дореволюционных деятелей в области народной инструментальной культуры, блестящих музыкантов, исследователей, педагогов, исполнителей и методистов. Особое место среди сподвижников В. В. Андреева занимает Николай Иванович Привалов (1868—1928), деятельность которого чрезвычайно разнообразна и многогранна. Он известен как музыкант-этнограф, инструментовед, дирижер и композитор. Окончил Горный институт (1895), затем экстерном Археологический институт (1903). В 1896—1913 гг. был музыкантом-исполнителем на гусях звончатых, балалайке приме в Великорусском оркестре под руководством В. В. Андреева, разыскивал старинные русские народные инструменты, занимался их реставрацией и изучением. Им собрана и описана коллекция музыкальных народных инструментов, большая часть которой хранится с музеях Ленинграда¹. В 1908—1919 гг. — доцент Археологического института по музыкальному фольклору. После Октябрьской революции вел многогранную преподавательскую работу. Им опубликован ряд историко-этнографических исследований о музыкальных инструментах и написаны самоучители игры на гусях звончатых (СПб., 1903) и на балалайке (Л., 1927). Деятельность его еще не получила должной оценки в трудах современных исследователей и требует пристального к себе внимания. Исследователи-инструментоведы проанализировали труды Привалова по истории русского инструментария. Критикуется некоторый дилетантизм его работ, но разделы, посвященное бытованию русских народных инструментов, этнографические наблюдения автора оцениваются чрезвычайно высоко.

Н. И. Привалов — организатор и руководитель одного из самых крупных в Петербурге того времени любительского оркестра народных инструментов (1896—1914).

Любительский оркестр под управлением Н. И. Привалова открыл новое направление в оркестровом исполнительстве, выразившееся в пропаганде музыкального народного творчества и фольклорных инструментов и нашедшее широкое применение в различных театральных формах — от сопровождения оперных спектаклей и театральных постановок до участия в лекциях и театральных представлениях, обрядах и игрища. Тяготение к пропа-

ганде народной песни, инструментальных наигрышей ясно прослеживается в репертуарной политике, проводимой в оркестре под руководством Привалова.

Пятнадцать лет (1902—1917) отдал Н. И. Привалов работе в Народном доме в Петербурге. Он был одним из инициаторов и авторов проекта организации бесплатных музыкально-хоровых классов попечительства о народной трезвости при Петербургском Народном доме. В реакционном по сути учреждении Привалову удалось создать музыкальные классы, популярные среди простого народа. Его вера в силу воспитательного воздействия народной музыки, послужила основой тому, что в классах популяризировались именно русские музыкальные инструменты — балалайка, домра, гусли. Им были созданы различные коллективы: великорусский оркестр; хоры — смешанный, женский, мужской; струнный оркестр; ансамбль рожечников; хор (ансамбль) гусляров и жалейщиков. Силами учащихся давались концерты, в наиболье крупных из них участвовало до 300 человек. Это были подлинно массовые народные концерты. Своей деятельностью в музыкально-хоровых классах Н. И. Привалов решал задачу широкого музыкального просвещения, популяризации русской народной музыки. В прессе отмечалось: «В том музыкальном развитии, которое дают ученикам Приваловские музыкальные классы,... отнюдь не цель, а только средство поднять, облагородить темные массы, среди которых проходит сейчас деятельность этой народной консерватории»². О массовости и популярности музыкальных классов в Петербурге свидетельствует тот факт, что с 1902 по 1917 гг. через классы прошло около 10 тыс. учащихся.

Но важнейшим направлением в деятельности Н. Привалова была и осталась исследовательско-пропагандистская работа. Сначала, по рекомендации Андреева, он занимается историческими изысканиями в области народных инструментов и русской песни. Затем Н. Привалов получает образование в Петербургском Археологическом институте. Через некоторое время его приглашают в институт в качестве лектора по разработанному им курсу «Русское народное песнетворчество». Оценки трудов, проделанных им в этом направлении, довольно высоки: «Привалов по праву может считаться не только практически, но и теоретически знатоком народных инструментов. Его книги и лекции в Археологическом институте поставили его на первое место среди специалистов по этим вопросам»³. Он был одним из первых исследователей, которые полностью посвятили себя изучению русского народного музыкального творчества. Его научные интересы, огромная коллекция инструментов, глубокие знания старинной музыки и обрядов Древней Руси способствовали бурному развитию этого направления в музикоисследовании.

В специальной современной литературе наиболее полную оценку исследовательской работе Н. И. Привалова дал К. А. Вериков. Говоря о значении работ Н. И. Привалова, Верков пишет: «Самое

интересное и ценное в его работах — сведения о живой практике народных инструментов в современном ему быту и художественном музыкальном исполнительстве. Его музыкально-этнографические наблюдения в полном смысле слова трудно переоценить. Другой положительной стороной исследовательской деятельности Привалова было стремление изучать русские народные инструменты с целью их усовершенствования»⁴.

Отмечая положительные стороны исследовательских работ Н. И. Привалова, К. Вериков обращает внимание и на музыкальный дилетантизм, излишнюю описательность, разобщенность разделов в крупных его работах. Вериков в научно-исследовательской деятельности Привалова подчеркивает одно противоречие. Как В. Андреев, так и Н. Привалов, будучи влюбленными в русскую народную музыку и отдав служению родному искусству все свои силы и знания, в то же время доказывали нерусское происхождение употреблявшихся в русском народе музыкальных инструментов: так, Н. Привалов, в своей работе «Звончайшие гусли на Руси», отдает этот исконно русский инструмент финским племенам⁵. Следует отдать должное советскому исследователю К. А. Верикову, который на основе исторических данных воссоздал в своем труде подлинную картину становления и развития музыкально-инструментальной культуры нашей Родины, объективно пересмотрел устаревшие инструментоведческие взгляды.

В своих исследованиях Н. И. Привалов в большей или меньшей степени затронул все без исключения русские народные музыкальные инструменты. Изучая современную ему практику бытования народных инструментов, он обращался к различным данным историографического, исторического характера. С особым вниманием он относился к трудам профессора Петербургской консерватории А. С. Фаминцына — «Скоморохи на Руси» (1889), «Гусли. Русский народный музыкальный инструмент» (1890), «Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа» (1891). Несмотря на крайне академическое направление, которого придерживался А. С. Фаминцын в своих инструментоведческих работах — отрыв от живой музыкальной деятельности, первостепенное внимание к вопросам технологии инструментов, Н. Привалов использовал широту охвата первоисточников в его работах и взял за образец систематизацию и тщательность изучения предмета исследований. Н. Привалов постоянно цитирует эти работы, некоторые разделы его исследований полностью опираются на тексты А. Фаминцына.

В своих работах Привалов очень часто обращается к лубочным картинкам, собранным Д. А. Ровинским в атласе-двухтомнике «Русские народные картинки» (1881; 2-е изд. 1900); трудам иностранных авторов, живших в России, либо путешествовавших по России — это и «Подробное описание путешествия в Московию» Адама Олеария (1879, пер. П. Барсова) и «Дис-

сертация о русских древностях» М. Гютри, работы И. Беллермана, И. Георги. Около двухсот различных источников используют Н. И. Привалов в своих исследовательских работах.

Известные советские фольклористы-исследователи — К. В. Квитка, Г. Хоткевич, К. А. Вериков в своих трудах постоянно обращались к работам Н. Привалова, опираясь на современные научные данные, указывали на неточности в его работах. Исследования Н. Привалова могут быть в деталях подвергнуты критике, но не знать, не изучать их сегодня уже нельзя. Труды исследователей, деятелей в области музыкального инструментоведения — А. С. Фаминицына, Н. И. Привалова, заложивших основы русской инструментоведческой науки, должны стать достоянием сегодняшней национальной музыкальной культуры.

На протяжении десяти лет Н. Привалов работал над исследованием «Музыкальные духовые инструменты русского народа», первая публикация была подготовлена на основе текста доклада в 1903 г. Работа эта, чуть больше печатного листа, через несколько лет переросла в солидное исследование в двух частях, публикавшееся в различных изданиях в 1906—1908 гг.⁶

В первом разделе Н. Привалов классифицирует инструменты по способу воспроизведения звука на три категории: свистящие, амбушюрные, язычковые (см. современную классификацию К. Верикова, совпадающую, близкую к Н. Привалову). Приводит краткую историческую справку, считая древнейшими свистящие инструменты (свистки, флейты, дудки). Высказывает интересное наблюдение, что свистящие инструменты (флейтовые) более распространены у окраинных народов русского государства, у коренного великорусского населения больше приживались бытовые амбушюрные язычковые инструменты.

В трех основных разделах доклада даны обзорные сведения о происхождении и развитии русских духовых инструментов — историческая справка, описание, историография, современное применение в музыкальной практике, а также тембровая окраска и способы звукоизвлечения. По таким параметрам Н. Привалов рассматривает все музыкальные инструменты. Особый интерес представляет раздел, посвященный владимирским рожкам. Исследователь приводит данные своих личных наблюдений над ансамблем или хором (как его тогда называли) владимирских рожечников Николая Кондратьева. Дает описание духовых инструментов — брелки и свирели, которые использовал в своем оркестре В. В. Андреев. Этот материал изложен в докладе ярко и убедительно. Советские инструментоведы и этнографы, высоко оценивая исследовательские труды Н. Привалова, отмечали и ряд неточностей, присущих этой работе. Украинский этнограф и композитор Г. Хоткевич подвергает сомнению утверждение Н. Привалова, ограничивающего регион бытования свирелей лишь Смоленской губ., он приводит свидетельства, подтверждающие употребление свирелей и в Тверской губернии⁷.

Так, в разделе «Язычковые инструменты на Руси» Н. Привалов высказывает предположение, что слово «сопль» — искаженное «жалейка». К. А. Вериков считает это неосновательным: по его мнению, жалейка не пользовалась широкой известностью; сведений о ней нет у таких авторов, как Я. Штелин, И. Георги, И. Беллерман. К. Вериков высказывает предположение, что жалейка — это мелодическая трубка волынки, отделившаяся от меха⁸.

В статье «Ударные музыкальные инструменты русского народа (накры, бубен, барабаны, ложки, тарелки, трензель, варган, колокола)» Н. Привалов дает любопытную картину появления, применения и бытования этих инструментов.

Несмотря на то, что он развивает свою теорию о восточном происхождении ударных инструментов, отдавая предпочтение только ложкам, считая их «изобретением русского народа», особый интерес вызывает раздел «Накры», в заключительной части которого говорится о введении их в оркестр В. Андреева. В разделе «Бубен» описана виртуозная игра русских бубнистов, и ценность этих наблюдений исследователя бесспорна. Уникальны и сведения Н. Привалова о русском народном инструменте — варгане, а также описание инструмента, о котором неоднократно упоминается в русских летописях — было и клепало. Представляет интерес и глава о колоколах, где дан генезис колоколов, колокольного звона на Руси. Два раздела данного исследования — «Ложки» и «Колокола» стали в дальнейшем темой двух развернутых статей Н. Привалова⁹.

Более подробного описания русских ударных инструментов нет ни в одном исследовании и до сегодняшнего дня.

Историко-этнографическое исследование Н. Привалов о древнерусском инструменте — гудке было опубликовано в 1904 г. в записках Русского археологического общества, этому изданию также предшествовала краткая публикация в «Известиях музыкальных собраний»¹⁰.

Н. Привалов в своем исследовании приводит обширный круг источников, упоминавших русский музыкальный инструмент — гудок: древнеславянские летописи, поучения и царские указы. Так как к концу XIX в. гудок практически исчез из обращения в народе, для восстановления картины его бытования исследователь обращается к различным источникам, выявляя форму и разновидности инструмента, приемы и положение во время игры, количество струн и форму смычка. Эти сведения почерпнуты были из трудов русских и зарубежных авторов XIX в.— Плюшара, Разумовского, Мейера, Ровинского, Михневича, Магильона, Тучкова. Важными являются свидетельства о существовании в XVII в. в Государевой Потешной палате целого семейства — гудок, гудила, гудице, а также о применении гудка в ансамбле с гуслями как инструмента, аккомпанирующего пению и хороводным пляскам. Привлекательны в исследовании страницы, где описаны

встречи в Сибири с редкими исполнителями-гудошниками, наследниками российских скоморохов.

Наряду с гудком в русском народе была распространена игра на скрипке. На Руси существовало кустарное производство скрипок (например, в Казанской губ.). По мнению Н. Привалова, характерное отличие гудка от скрипки на изображениях не в разных формах кузова, а в том, что гудок всегда при игре держался опущенным книзу, в отличии от скрипки, имеющей единую форму кузова и при игре всегда вскинутой на плечо игрока. Приваловым приводятся источники XVII в., упоминающие как скрипку, так и гудок. Здесь и доказательство существования на Руси в XVII в. трех струнного инструмента — скрипки или скрипицы.

Безусловно, гудок, относящийся к числу наиболее известных русских народных инструментов, привлек внимание В. Андреева и его сподвижников. В заключении работы Н. Привалов приводит высказывание В. Андреева относительно возможности включить гудок в состав оркестра: по его мнению, «введение в великорусский оркестр гудка в первобытном его виде не имело музыкального смысла; всякое совершенствование гудка приближало его к скрипке»¹¹. Тем не менее создание квартета усовершенствованных гудков осуществил в 1900-х гг. Н. Фомин, в то время они употреблялись в оркестрах П. О. Савельева, А. Ф. Фремке. Музикальный мастер Фр. Пасербский создал гудок собственного изобретения. Попытки ввести гудок в оркестр народных инструментов предпринимали и современные руководители (например, в 50-е гг. Авксентьев в Челябинске).

Советские исследователи К. Вертов, Л. Гинзбург, К. Квитка, Г. Хоткевич, И. Ямпольский, используя материалы исследования Н. Привалова о гудке, не подвергая автора критике, писали о недостаточной компетентности ряда источников, на которые он ссылается, обращали внимание на неточность выводов. Например, сведения о бытовании струнных инструментов на Руси Н. Привалов заимствует в древнеславянских источниках XII—XV вв., где звуки инструментальной музыки обозначены как «гудение», «гудьба», «гудение струны», «гудут струны», но лишь к XVI в. относит он появление в русском народе смычковых инструментов, опять же подчеркивая восточное влияние: именно «в это время проникли к нам и восточные инструменты — домра, сурна, смычки»¹². Это положение Н. Привалова отвергает советский музико-вед И. Ямпольский, указывая, что на фреске XI в. в северной башне Софийского собора в Киеве изображен музыкант, играющий на смычковом инструменте.

Далее подвергается сомнению предположение Н. Привалова о том, «что в XVII в. смычковые инструменты стали называться гудками». «Исчезновение названия смык не дает оснований утверждать идентичность или преемственность этих инструментов, как это делали А. С. Фаминцын и Н. И. Привалов», — пишет Л. Гинзбург¹³.

Исследование Н. Привалова о гудке служит советским инструментоведам основой для дальнейшего изучения древнего русского инструмента. К. А. Вертов, в своей работе используя сведения Н. Привалова расширяет круг источников (XIX в.), в которых упоминается и гудок¹⁴. Доказательства И. Ямпольского о существовании в Киевской Руси самостоятельной традиции сольной игры на смычковых инструментах строятся на фрагментах, заимствованных из работы Н. Привалова¹⁵. Таким образом, исследование Н. Привалова о гудке и сегодня является важным источниково-кологическим материалом для исследователей.

В исследовании «Лира» (лира, рыле, реле). Русский народный инструмент музыкальный» Н. Привалов устанавливает пути проникновения лиры в Россию, отмечая первое упоминание о ней в русских источниках XVI в. Целая глава посвящена бытованию лиры в Малороссии. Как и в предыдущих его работах, особый интерес представляют сведения об использовании лиры в народном быту XIX в. На страницах ожидают фигуры знаменитого малороссийского бандуриста Остапа Вересая, лирника Марченко, Андрея Шута. Со слов исследователей, слышавших игру этих исполнителей, мы можем представить их «заунывные голоса», «сопровождаемые жалобным аккомпанементом лиры», узнать отношение окружающих к лирникам, благочестивым низшим, в большинстве своем слепцам, с поводырем кочующим с места на место, приурочивая зачастую свои посещения к праздникам и ярмарочным дням. «Репертуар лирников,— пишет Н. Привалов,— носит нравственно поучительный характер или религиозный; в их песнях оплакивается горькая доля сироты, или смерть бедняка, как успокоение в его злосчастной, исполненной страданий жизни»¹⁶. В работе Н. Привалова есть сведения о существовании на Украине нескольких своего рода школ, где известные старики-лирники обучали более молодых своему искусству.

Мы узнаем мнение слушателей о музыкальных достоинствах исполнителей на лире. Об интересе к этому инструменту русских композиторов, и в частности Н. А. Римского-Корсакова, слушавшего лиру лирника Марченко на Кустарной выставке в Петербурге в 1902 г.

В заключении подчеркивается европейский характер происхождения лиры, отмечается, что на Востоке смычковые инструменты такого устройства неизвестны. Период наибольшего распространения лиры на Руси может быть отнесен к XVI—XVIII вв.— времени расцвета скоморошества, в XIX в. она была популярна в Малороссии, к концу XIX—началу XX в. здесь популярность лиры даже растет.¹⁷

В своей работе, полное название которой — «Танбуровидные музыкальные инструменты русского народа. Очерк их происхождения, появления на Руси и существования. (Домра, балалайка, лютна, кобза, бандура, бандура, торбан, мандолина, гитара)»¹⁸, Н. И. Привалов ставит задачу пополнить новыми данными труд

профессора А. С. Фамильца о танбурах («Домра и сродные ей музыкальные инструменты русского народа»), представить восстановленные В. Андреевым музыкальные инструменты, обогатить историографию русских народных музыкальных орудий этнографическими материалами, найденными в живом народном быту.

Материал для первых четырех глав о древних формах танбировидных инструментов Н. Привалов полностью почерпнул из исследований А. Фамильца. Глава о домре и балалайке в основном построена на тех же материалах. Сухому академическому изложению начала противостоит следующая глава «Восстановление домр и балалаек», где мы встречаемся с такими музыкантами, как Иван Хандошкин, приводивший в восторг слушателей своей игрой на балалайке, камер-музыкант Яблочкин, преемник Хандошкина, талантливый балалаечник штабс-ротмистр гусар Радивилов, страстная, огненная игра которого увлекала слушателей (он играл на балалайке Хандошкина, работы скрипичного мастера И. Батова). Здесь и исполнители-любители второй половины XIX в.— орловский помещик И. А. Лаский, оперный бас Лавров, тверской помещик А. С. Пасхин, который был отчасти и учителем В. В. Андреева.

Наиболее важным, на наш взгляд, представляется раздел о домре. В нем подробно представлен широкий круг источников, в которых упоминается старинный народный инструмент. Практически и до сегодняшнего дня новых документов о домре не найдено, до сих пор основным источником по истории домры служит исследование Н. Привалова. В неоднократно цитируемом труде К. Верткова в разделе о домре анализируется материал Н. Привалова, указывается на спорные моменты и неточности в изложении, критикуется теория Н. Привалова и А. Фамильца о восточном происхождении народных инструментов, в том числе и домры.

Впервые в литературе по инструментоведению Н. Привалов включает в число русских народных инструментов бандурку, представляющую собой маленькую пятиструнную гитару, имеющую распространение на Урале. Вызывает интерес наблюдение автора, что «московская 4-струнная балалайка, представляет собой, вероятно, ничто иное как южнорусскую бандурку»¹⁹. Бандурка как бы русский народный вариант гитары, самый молодой и самый недолговечный русский народный музыкальный инструмент, бытовавший к тому же на строго ограниченной территории России — в Приуралье (в Пермской Тобольской, Оренбургской и частично Екатерининской губ.), — пишет К. Вертков²⁰.

В связи с большим распространением у русского народа танбировидных инструментов — мандолины, торбана, гитары А. Привалов включает их в свое исследование.

Весьма насыщенной по фактам и именам является заключительная глава «Гитара на Руси», где перед нами проходят создатель русской семиструнной гитары А. О. Сихра (1773—1850),

исполнители и композиторы С. Н. Аксенов, М. Т. Высотский, Н. П. Макаров и И. Ф. Деккер-Шенк (исполнитель на шестиструнной «испанской гитаре») и другие, много сделавшие для популярности гитары в России.

В отдельном разделе «Гитара в русском народе» Н. Привалов дает «убийственную» характеристику: «Настоящего народного распространения в России гитара, однако, не имеет: мужик на ней не играет, а играют лакеи, кучера, фабричные, писаря... Гитара очень распространена среди помещиков и их дворовых людей в малороссии»²¹.

Наиболее обстоятельной среди инструментоведческих работ Н. Привалова является исследование о русских духовых инструментах. Им подготовлено к изданию два тома, с многочисленными рисунками, фотографиями, нотными примерами. Часть первая — «Музыкальные духовые инструменты русского народа в связи с соответствующими инструментами других стран» — носит подзаголовок «Трубы и рога», часть вторая — «Свистящие инструменты. Очерк истории флейт в связи со свистящими музыкальными орудиями на Руси».

Исследователь предлагает свою классификацию духовых инструментов, распределяя их на три категории: 1) рога и трубы; 2) флейты или свистящие; 3) язычковые инструменты. В настоещее время в советском инструментоведении принята классификация, подробно изложенная в цитированной книге К. А. Верткова, но она существенно не отличается от предложенной Н. Приваловым — духовые распределяются по следующим группам: 1) флейтовые; 2) язычковые; 3) мундштучные (рог, труба). Н. Приваловым написаны исследования о группе духовых флейтовых и мундштучных инструментах, а о группе язычковых исследование завершено не было.

Подробно останавливаясь на рассмотрении пастушеских рогов и рожков, автор особо освещает их тембровые возможности. Даётся принцип деления этих инструментов: на пастушечьи трубы, не имеющие голосовых отверстий, дающие лишь натуральные тона, и на рожки, имеющие голосовые отверстия, что позволяет извлекать целый звукоряд и исполнять различные мелодии. Автор замечает, что рога бывают различной длины и даже могут быть изогнуты, изготавливаются из дерева, меди, жести, железа; рожки же всегда делаются деревянные и всегда прямой формы. В тексте перечислены региональные особенности отдельных инструментов на примере пастушеских карельских труб и в сравнении их с найденными в Петербургской губернии. Выделяется раздел о рожках Тверской и Владимирской губ., исторические сведения подкрепляются этнографическими наблюдениями за одним из самобытных национальных коллективов — «Хоре владимирских рожечников» под управлением Н. В. Кондратьева. Практически хор владимирских рожечников — это единственная форма ансамблевого народного музенирования на исконно

русских духовых музыкальных инструментах, дошедших через все препятствия и перипетии русской истории до конца XIX в. Недаром этот ансамбль привлек внимание таких композиторов, как А. П. Бородин, М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков. Свои впечатления от встречи с владимирскими пастухами-рожечниками оставил А. М. Горький. Н. Привалов хорошо знаком и с искусством этого ансамбля и его наблюдения подтверждают — перед нами пример подлинно народного импровизационного инструментального исполнительства.

Исследование дает важные сведения о размерах и форме инструментов, устройстве мундштука, схему расположения звуковых отверстий. Он сам много экспериментировал с изготовлением рожка, создал ансамбль владимирских рожечников в Бесплатных музыкальных классах в Петербурге. И такой опыт практика и теоретика позволил ему основательно и многогранно провести изучение и рассказать об уникальном русском народном инструменте — владимирском рожке. Советские исследователи К. Вертков, Б. Смирнов, Е. Максимов в своих работах дополнены новыми документами и фактами историю деятельности хора владимирских рожечников под управлением Н. В. Кондратьева²².

В работе привлекает раздел об использовании труб в ратном деле, первое упоминание о них относится к XI в., приводятся сведения об обязательном количестве «ратных труб», положенных каждому полку. Н. Привалов находит такое разнообразие инструментов, что перед нами проходит целая галерея всевозможных типов и развидностей русских военных труб. Привлекая различные источники — летописи, смотровые книги, списки — автор показывает, какое значение в далеком прошлом имела в ратном деле музыка и музыканты — трубачи, сурешики, накрачи и др. В заключении главы «Рога и трубы на Руси» перечисляется состав первого дворцового оркестра Петра I, состоящего из 20 человек.

В разделе «Русские охотничьи рога» анализируются материалы, посвященные еще одной малоизвестной странице русской музыкальной культуры — роговой музыке, известной только в России. В настоящее время уже написана обстоятельная работа о чрезвычайно интересном явлении русской музыкальной культуры, каким были роговые оркестры, — исследование К. Верткова, дополненного разнообразными сведениями материалы Н. Привалова²³.

Вторая часть работы Н. Привалова «Музыкальные духовые инструменты русского народа», носит подзаголовок «Свистящие инструменты». Рассмотрению семейства флейтовых предшествует изложение трех мифов, которые подтверждают древность инструментов этой группы, относя их к первоисполнителям — пастухам. Привалов вначале обращается к всевозможным свисткам, окарине, и далее к флейте Пана.

Наиболее полным, представляющим и сегодня особый интерес и практически не имеющим аналогов в литературе, является раздел о кувиках, кувичках — древнейшем русском народном инструменте. В тексте даны многочисленные ссылки на других авторов, иллюстрации, наконец убедительно доказывается (с привлечением исследовательского материала А. Будиловича) происхождение русского слова «кувица» от древнеславянского «цевница».

В следующей главе речь идет о двойных флейтах, за которыми Н. Привалов закрепляет название «свирель». Свирель — один из первых русских духовых инструментов, который ввел В. Андреев в свой оркестр. Привалов подробно описывает историю появления их в оркестре. Этот раздел безусловно интересен своими этнографическими подробностями, именами исполнителей, разновидностями их инструментов, многочисленные нотные примеры помогают полнее представить бытование свирели в России.

Наконец, дуда, дудка, сопилка — те инструменты, к которым обращается исследователь, указывая на многочисленные древнерусские источники, в которых они упоминаются — летописи, поучения, списки.

Заключение раздела — это описание свистков, известных музыкальных орудий во многих странах мира. Приводятся примеры их обрядового исполнения, областные различия в изготовлении глиняных фигурок на Руси.

Н. Привалов, обращаясь к будущим исследователям, говорит, что его работа может грешить некоторыми неточностями, как при первом опыте обобщения огромного материала, но это первый систематизированный труд, посвященный музыкальным духовым инструментам русского народа. Действительно, раздел о свирелях, например, наиболее уязвим для критики, но критиковать, изучать, восстанавливать наши музыкальные инструменты мы можем лишь тогда, когда в совершенстве овладеем знаниями, накопленными нашими предшественниками. Критиковать труды Н. Привалова можно, но незнание всего богатства представленных им фактов, наблюдений служит тормозом в исследовании русской инструментальной культуры.

Один из разделов работы о духовых инструментах стал предметом отдельной статьи — «Свирельщики на Руси» (1908). И до сегодняшнего дня музыканты называют свирелью продольную флейту со свистковым приспособлением: в инструментоведении со времен выхода статьи Н. Привалова за парной флейтой закрепилось название «свирель».

Привалов приводит ценные этнографические зарисовки музыкантов-исполнителей на свирелях крестьян Смоленской губ. — Ивана Козлова, Григория Лапина, Федора Лесникова, Осипа Дудкина. Интерес Н. Привалова к свирели не был случаен: этот инструмент в числе первых русских народных духовых был

введен в состав Великорусского оркестра под управлением В. В. Андреева. Участник оркестра Ф. Ниман подготовил школу-самоучитель для свирели.

Статья Н. Привалова «Звончные гусли на Руси» была опубликована в журнале «Музыка и пение» в 1908 г. (№ 7, 8, 10). В ней автор прослеживает эволюцию гуслей от самого древнего типа (пятиструнного) к современному. Безусловно интересны наблюдения Н. Привалова о народных исполнителях-крестьянах, описания приемов их игры, строя инструментов. Убедительно доказывается, что струны гуслей, даже самых древних, были металлическими. Привалов приводит сведения о древнейших пятиструнных звончих гусях из книги Гютри, который дал их первое изображение, цитирует бельгийского музыканда Ф. Фетиса, давшего одну из первых нотных записей гусельного аккомпанемента пению. Любопытны замечания Н. Привалова о всевозможных формах гуслей, существующих в разных областях России. И все же, несмотря на подтвержденный документами, общепринятый факт существования на Руси гуслей с VI в., большую распространенность их в русском народе, самобытность их русского типа, Н. Привалов в этой статье пытается доказать финское происхождение гуслей, обосновывая свою теорию тем, что звончные гусли распространены только там, где живут финские племена.

Н. Привалов прослеживает эволюцию звончих гуслей вплоть до того времени, когда он совместно с О. У. Смоленским создал четыре разновидности звончих гуслей (пикколо, прима, альт, бас), принятые до сегодняшнего времени, издан в 1903 г. самоучитель для гуслей²⁴.

Исследование Н. Привалова «Ложки — русский народный музыкальный инструмент» и до сегодняшнего дня остается единственным в своем роде²⁵. Этот самобытный инструмент ныне входит в число русских народных музыкальных орудий, в чем несомненная заслуга Н. Привалова.

Автор считает, что среди ударных инструментов других стран по своей природе ближе всего к русским ложкам стоят испанские кастаньеты. Н. Привалов сообщает, что в 1795 г. М. Гютри — автор первого исследования о русских народных музыкальных инструментах — свидетельствовал о большом распространении игры на ложках среди крестьян, он же первым привел изображение русских ложек как ударного инструмента. Далее, Н. Привалов находит описание ложек в записках А. Тучкова и изображение у Д. Ровинского, из которых следует, что употреблялись ложки с бубенцами и, что очень важно, металлические. Основное внимание в работе уделено описанию способов игры и ритмов, записанных самим Н. Приваловым от народного виртуоза крестьянина Лобова.

Н. Привалов первым ввел ложки в Великорусский оркестр. Они были использованы им в пляске скоморохов на уральскую тему «Полянка» в его опере «На Волге» (1902).

Обзор инструментоведческих работ Н. Привалова позволяет сделать вывод: многие положения, факты, наблюдения, сделанные ученым-инструментоведом, до сегодняшнего дня сохраняют свое значение как для исследователей, музыкантов-профессионалов, так и для руководителей самодеятельных оркестров, т. е. для того круга людей, чьи научные, профессиональные, личные интересы целиком отданы пропаганде, исполнительству и изучению русских народных инструментов. К сожалению, труды Н. Привалова малодоступны, так как были изданы до революции в различных периодических и специальных изданиях. Даже в самых солидных библиографических справочниках мы едва ли найдем полный перечень публикаций Н. Привалова, хотя в большинстве работ советских инструментоведов К. Верткова, К. Квитки, Г. Хоткевича имеются многочисленные ссылки на исследования ученого. Следует отметить, что возросший интерес к национальному фольклору в наши дни привлек специалистов к изучению наследия Н. Привалова. То, что накоплено нашими предшественниками — дореволюционными музыкантами и просветителями, должно внимательно изучаться. Их богатый опыт и лучшие достижения должны стать основой для дальнейшего развития русских народных инструментов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Музей этнографии народов СССР; Постоянная выставка музыкальных инструментов (ЛГИТМиК).

² Русь.—1906.—26 янв. (вечерний выпуск).

³ Новое время.—1910.—21 дек.—№ 12493.

⁴ Вертков К. А. Русские народные музыкальные инструменты.—Л., 1975. — С. 28.

⁵ Там же.

⁶ Музыкальные духовые инструменты русского народа. Их происхождение и развитие // Известия СПб. общества музыкальных собраний.—1903.—Июль-август-сентябрь.—С. 24—38; Записки отдела русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Т. VII. Вып. 2.—СПб., 1907; Вып. 2.—СПб., 1909. Отдельные издания: СПб., тип. М. А. Александрова, 1908—1909.

⁷ См.: Хоткевич Г. Музыкальные инструменты украинского народа.—Харьков, 1930 (на укр. языке).

⁸ См.: Вертков К. Указ. соч.—С. 47—49.

⁹ Ложки — русский народный музыкальный инструмент // Русская музыкальная газета.—1908.—№ 28—33, 36; Колокольный звон на Руси // Ежегодник Императорских театров.—1910. Вып. 1.—С. 21—45.

¹⁰ Гудок — древнерусский народный смычковый инструмент // Известия СПб. общества музыкальных собраний.—1903.—Апрель-май-июнь.—С. 39—46; Гудок — древнерусский народный музыкальный инструмент, в связи со смычковыми инструментами других стран. Историко-этнографическое исследование // Записки отдела русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Т. V. Вып. 2.—СПб., 1904.—С. 61—94.

¹¹ Андреев В. О великорусском оркестре: Письмо в редакцию // Новое время.—1902.—№ 9422.—29 мая.—С. 9—11.

¹² Ямпольский И. Русское скрипичное искусство. Т. I.—М., 1951.—С. 10.

¹³ Гинзбург Л. Исследования, статьи, очерки.—М., 1971.—С. 14.

¹⁴ См.: Вертков К. Указ. соч.—С. 136—138.

¹⁵ См.: Ямпольский И. Указ. соч.—С. 10.

¹⁶ Привалов Н. Лира / ліра, рыле и реле / : Русский народный музыкальный инструмент // Записки отдела русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VII. Вып. 2.—СПб., 1907— С. 36.

¹⁷ Там же.— С. 46.

¹⁸ См.: Известия СПб. общества музыкальных собраний.—1905.— Апрель-июнь; 1906.— Февраль.

¹⁹ Там же.— С. 42.

²⁰ См.: Вертков К. Указ. соч.— С. 89—90.

²¹ Привалов Н. Таинбуровидные музыкальные инструменты...— С. 62.

²² Вертков К. А. Указ. соч.— С. 149—153; Смирнов Б. Искусство владимирских рожечников.— М., 1959; Максимов Е. И. Хор владимирских рожечников Н. В. Кондратьева // Оркестры и ансамбли русских народных инструментов.— М., 1983.— С. 73—80.

²³ Вертков К. Русская роговая музыка.— М., 1948.

²⁴ Привалов Н. Самоучитель игры на гуслях звончатых. С. прил. 35 пьес для хора и четырех гусель.— СПб., изд. Циммермана Ю. Г., 1903.

²⁵ Привалов Н. Ложки — русский народный музыкальный инструмент, в связи с соответствующими музыкальными орудиями других стран и эпох // Русская музыкальная газета.— 1908.— № 28—33, 36.